



Примечания

- 1 Инвентарные номера ЭРМБ (912–916, 911, 917, 918, 1196, Э 3044, Э 3051, ОНП 26).
- 2 Шуйский В. К. Огюст Монферран. История жизни и творчества. М. ; СПб., 2005. С. 254.
- 3 Шуйский В. К. Карло Росси. СПб., 2001. С. 114 ; *Он же*. Огюст Монферран. История жизни и творчества. М. ; СПб., 2005. С. 253–254.
- 4 Collard F. Regency Furniture. Woodbridge, Suffolk, 2000. P. 132.
- 5 Ботт И. К. Царскоесельская мебель и ее коронованные владельцы. СПб., 2009. С. 205.
- 6 См.: Плявский В. И. Эрмитаж. История и архитектура зданий. Л., 1974. С. 99.
- 7 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 138–139.
- 8 См.: Русская мебель в Государственном Эрмитаже. Альбом / сост. и авт. текста Т. М. Соколова, К. А. Орлова. Л., 1973 ; Семенова Т. Б. О некоторых гарнитурах мебели по проектам К. Росси и О. Монферрана из Зимнего дворца // Прикладное искусство Западной Европы и России : сб. науч. тр. Л., 1999. С. 218–230 ; Гарманов И. А. Неизвестные работы В. Бренны и О. Монферрана для Овального зала императрицы Марии Федоровны // Сообщения Гос. Эрмитажа [вып.] LXII. СПб., 2004. С. 36–44 ; Шуйский В. К. Огюст Монферран... С. 253–325.
- 9 Российский государственный исторический ар-

- хив (РГИА). Ф. 469. Оп. 12, ч. 3. Д. 127. Л. 14–18.
- 10 Там же. Л. 16
- 11 См.: Семенова Т. Б. Указ. соч. С. 221.
- 12 См.: Федосеева О. А. Мебель для императорских дворцов // За кулисами парадной жизни. Поставщики императорского двора : Каталог выставки. СПб., 2013. С. 313.
- 13 РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593), 1827–28 гг. Д. 23,24.
- 14 Там же. Оп. 2 (106/540), 1838 г. Д. 167. Л. 182–219.
- 15 Кроме Желтой гостиной, Тур выиграл торги на изготовление мебели для Проходной комнаты № 13 (на месте зала № 297).
- 16 РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593), 1827–28 гг. Д. 23. Л. 55.
- 17 Там же. Д. 24. Л. 124.
- 18 Там же. Л. 172.
- 19 Там же. Д. 23. Л. 320–321.
- 20 Там же. Л. 98–99.
- 21 Там же. Л. 190.
- 22 См.: Гарманов И. А. Указ. соч. С. 38 ; РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593), 1827–1828 гг. Д. 24. Л. 61.
- 23 РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540), 1838 г. Д. 167. Л. 421.
- 24 Там же. Оп. 3 (159/593), 1827–28 гг. Д. 23,24.
- 25 Там же. Оп. 2 (106/540), 1838 г. Д. 167. Л. 182–184.
- 26 Там же. Л. 182.
- 27 Там же. Ф. 469. Оп. 12, ч. 3, 1859 г. Д. 1361. Л. 1–4.
- 28 Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 1. Оп. 6 «К». Ед. хр. 32, 48, 51.
- 29 Семенова Т. Б. Указ. соч. С. 224.

УДК 930.323.376

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУЛТАНА ХАН-ГИРЕЯ, АДЫГСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

А. Р. Психомахова

Медицинский колледж № 4 Департамента здравоохранения г. Москвы
E-mail: amina@lianet.ru

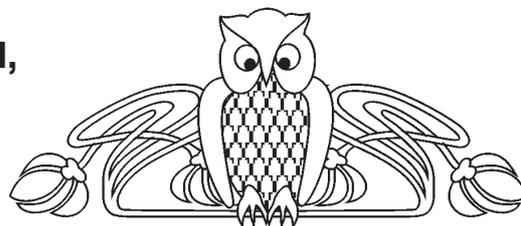
В отечественной историографии вновь приобрели актуальность историко-биографические исследования. В статье прослеживаются периоды жизни и деятельности адыгского просветителя и общественного деятеля С. Хан-Гирея, раскрываются этапы его становления, а также его общественно-публицистическая деятельность. На основе проведенного анализа в статье отстаивается тезис о прогрессивности взглядов просветителя.

Ключевые слова: просветитель, культура, политика, адыги, народы, война, Кавказ.

The Timeline of Sultan Khan-Girey, the Adyghe Enlightener and Public Figure

A. R. Psychomachova

Historical and biographic studies are gaining relevance in national historiography. In this article, the timeline of the Adyghe enlightener and



public figure Sultan Khan-Girey is traced, and also his public and publicistic activity is revealed. The progressive views of the enlightener are asserted on the basis of the carried-out analysis.

Key words: enlightener, culture, policy, adyghe, nations, war, Caucasus.

Ситуация сегодня в национальных районах страны показала важность учёта всех сторон решения национального вопроса в процессах урегулирования межнациональных конфликтов. Актуальность исследования связана также с проблемой взаимоотношений власти и общества, которая продолжает оставаться одной из основных в гуманитарных исследованиях. Изучение опыта прошлого в организации взаимоотношения граждан и власти представляет практический интерес. Сегодня общество и власть нуждаются в позитивном диалоге, поэтому обращение к истории гражданских инициатив приобретает особую актуальность.

Важную роль в культурном развитии региона играла местная интеллигенция, особое место



по праву принадлежит Султану Хан-Гирею (или Крым-Гирей-Мамет Гиреевич Хан-Гирей). Родился он в 1808 г. в ауле Тлюстен-Хабль (близ Краснодара) в семье, относившейся к знаменитому хамышейскому племени¹. Его отец, Махмат Крым-Гирей-Хан, был убежденным сторонником России. Под влиянием новороссийского генерал-губернатора Ришелье отец перешел на сторону России и поселился на правом берегу Кубани у Павловского поста согласно предписанию Ришелье от 24 октября 1811 г. № 4095². При этом он сохранил свой левобережный аул, где оставалась проживать часть его подвластных.

За заслуги перед царским правительством Махмат-Крым-Гирей был удостоен золотой медали с надписью и золотой саблей. Согласно строго соблюдавшемуся в то время в знатных адыгейских семьях обычаю ребенка отдали на воспитание агальку в Шапсугии. Воспитание Хан-Гирея у агальков, по всей вероятности, прервалось неожиданной смертью отца, погибшего от ран, нанесенных его врагами. По данным Л. И. Лаврова, Махмат-Крым-Гирей скончался 4 апреля 1821 г. «Видимо, благодаря тому, что мальчик находился у агалька, он спасся от врагов во время разграбления отцовского дома»³. По сообщению В. П. Бурнашева, малолетний Хан-Гирей по завещанию отца был отправлен в Тифлис к главнокомандующему Кавказским корпусом А. П. Ермолову. Надо полагать, что В. П. Бурнашев сделал это сообщение со слов самого Хан-Гирея, которого он лично хорошо знал⁴.

Завещание отца Хан-Гирея в отношении своего сына свидетельствует о том, что Махмет Крым-Гирей был убежденным сторонником сближения адыгов с Россией. Отдавая перед своей смертью наказ отправить Хан-Гирея к генералу А. П. Ермолову, Махмет Крым-Гирей хотел, чтобы его сын получил светское образование. А. П. Ермолов благосклонно принял сына Махмет Крым-Гирея. Помимо заслуг отца, Хан-Гирей привлек внимание Ермолова и своими личными способностями. А. П. Ермолов направил своего воспитанника для продолжения образования в Петербургский кадетский корпус.

Окончив успешно военное училище, Хан-Гирей в чине офицера принимал участие в 1826–1828 гг. в Русско-персидской войне, в 1828–1829 гг. – в Русско-турецкой войне и в 1830–1831 гг. – в военных действиях в Польше. За боевые заслуги он был награжден медалью и произведен в поручики. В конце 1829 г. С. Хан-Гирей вернулся в Петербург. Здесь он представил царю прошение хамышейских феодалов о принятии их «в покровительство России». Эти материалы впоследствии были направлены на имя главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича. К нему поехал и сам Хан-Гирей. Однако просьба представителей хамышейцев тогда не была удовлетворена. «Хан-Гирей, – пишет Т. Х. Кумуков, – хотел в какой-то степени оказать положительное влияние на ход политического развития адыгов». Вскоре после этого Хан-Гирей был зачислен в лейб-

гвардию Кавказского горского полуэскадрона. В 1830 г. эскадрон принял участие в подавлении польского восстания. В 1832 г. Хан-Ган вернулся из Польши в чине штаб-ротмистра.

Он неоднократно обращался к Николаю I с проектами о преобразовании родного края. В 1836 г. С. Хан-Гирей, находясь в лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, представил для изучения в Генеральный штаб свои «Предложения о средствах приведения черкесов в гражданское состояние кроткими мерами, с возможным избежанием кровопролития». Он предложил варианты по решению кавказской проблемы: введение судопроизводства и проведение просветительской работы.

В 1837 г. Хан-Гирей вернулся на Кавказ с особой миссией для организации встречи горских депутатов с Николаем I. Ему было поручено, помимо организационной части, задание «начертать проект положения об управлении горскими народами, которое в покоряющихся горских обществах установлено быть может. В положении этом, сколько возможно, менее должно быть допущено отступлений от коренных обычаев горцев (не противных общественному порядку и благоустройству), но, вместе с тем, оно должно заключать достаточные ручательства в постепенном развитии образованности народа, в смягчении его нравов и сближении его с российским населением края»⁵.

Султан Хан-Гирей очень скоро предал А. А. Вельяминову «Проект положения об управлении горскими народами», содержащий обзор черкесских племен и различные варианты по благоустройству Закубанского края. В 1837 г. он был произведен в чин полковника и получил придворное звание флигель-адъютанта. В том же году он с секретным заданием направляется на Северный Кавказ. Задание заключалось в противодействии английским эмиссарам Джеймсу Станиславу Беллю и Джону Лонворту, ведущим подрывную работу против России среди черкесов. 20 июля 1838 г. Хан-Гирей вновь обращается к командующему Отдельным Кавказским корпусом Е. А. Головину. В записке «Краткое изложение о предварительных мерах к устройству закубанских мирных племен» им были предложены реформы в управления адыгов. При этом он настаивал на необходимости обустройства контролируемых территорий. Следующий документ, составленный по поручению Николая I, озаглавлен: «Адыги и все близкие к ним племена».

Эти документы содержали предложения о преобразовании родного края. В них поставлен вопрос о просвещении адыгов, об открытии школ и обучении детей, как дворян, так и крестьян, создании и введении письменности⁶. Царь был доволен этим «соглашением» и подарил ему драгоценный перстень, полушутя назвав его «черкесским Карамзиным»⁷. Но труд этот был похоронен в архивах военного ведомства. Из-за этого «Записки о Черкесии» и в советские годы



долгое время оставались неизвестными для исследователей. Лишь в 1958 г. научный сотрудник Центрального военно-исторического архива В. А. Дьяков случайно наткнулся в научно-справочной библиотеке названного архива на рукопись сочинения Хан-Гирея⁸.

В 1984 г. преподаватель кафедры истории Кабардино-Балкарского государственного университета М. Б. Нагоев в Государственном историческом музее, в фонде барона Г. В. Розена, нашел заключительную главу⁹. Такой длинный путь пройден данным произведением, рекомендации которого не были использованы для принятия мер по приведению в гражданское состояние черкесов.

Несмотря на карьерный рост и благополучную военную службу, Хан-Гирей в конце 1840-х гг. решает выйти в отставку. Причиной этому послужил кризис его политических взглядов. Он принимал деятельное участие в действиях правительства до тех пор, пока верил, что русский царизм мирным путем разрешит кавказский вопрос и будет способствовать переходу адыгского народа на путь демократического общественно-политического и культурного развития. Уповав на благодеяние Николая I, Хан-Гирей предлагал правительству проект по внутреннему устройству адыгских племен, сам лично вел агитационную работу среди соплеменников, ратуя за союз Кавказа с Россией, но все его усилия и надежды оказались тщетны. Юношеские иллюзии со временем сменились трезвым взглядом на лицемерную политику царя. Это привело Хан-Гирея к пересмотру своего положения при дворе, которое показалось ему теперь двусмысленным. Все эти обстоятельства вынудили его покинуть Петербург и вернуться на родину.

Султан Хан-Гирей был одним из эрудированных людей для того периода истории. Он владел арабским и некоторыми тюркскими языками, отлично знал русский и свой родной язык. Хан-Гирей был знаком с известным литератором Н. И. Гречем, редактором и издателем «Сына Отечества», и посещал его литературные четверги.

Кроме трудов по истории черкесского народа, Хан-Гирею принадлежат работы по мифологии и этнографии черкесов: «Вера, нравы и обычаи, образ жизни», «Мифология черкесских народов» и художественные очерки: «Князь Пшьской Аходягоко», «Наезд Кунчука», «Бесленей Абат»¹⁰. Появление научных трудов и художественных очерков Хан-Гирея было целым событием. Если до сих пор публика была знакома с Кавказом со слов русских и других иностранных путешественников, офицеров и должностных лиц, то теперь в качестве автора выступал черкес, изнутри знающий нравы и обычаи, историю и культуру своего народа.

Деятельность Хан-Гирея как писателя, собирателя произведений устного народного творчества до сих пор не изучена. Рассматривая его произведения, мы старались исходить из понимания его социальных позиций, играющих иногда главную роль в толковании им многих

исторических событий, некоторых обычаев и нравов. Естественно, что социальное положение не могло не сказаться на его творчестве. Но каких бы взглядов он ни придерживался, его произведения представляют большой научный и художественный интерес и являются неоценимым вкладом в развитие черкесской культуры. Хан-Гирей по праву считается одним из зачинателей черкесской национально-художественной литературы.

В его произведениях «Черкесские предания»¹¹, «Биографии знаменитых черкесов» он показывает свою заинтересованность в благополучии родины и глубокую симпатию к своему народу и его культуре, что, естественно, приводит автора к некоторой идеализации жизни и нравов черкесского народа, особенно, когда речь идет об аристократической его части. Как писатель Хан-Гирей сформировался под влиянием русской и западно-европейской литературы, что прежде всего сказывается в его работе.

Если в адыгском фольклоре описание природы занимает незначительную часть, то в произведениях Хан-Гирея пейзаж играет большую роль. В цикл «Черкесские предания» входит ряд новелл, носящих реалистичный характер. Главной темой очерков и рассказов Султан Хан-Гирея выступала тема Родины и патриотизма.

Вопросы добра и зла – эти вечные вопросы – разрабатываются Хан-Гиреем исходя из особенностей национальных представлений. Показательна в этом плане новелла «Канлы» («Кровавый убийца»). Хан-Гирей постоянно работал над созданием образа черкеса, сочетающего в себе государственный ум с лучшими качествами горца – храбростью, силой и отвагой. К этой проблеме он возвращается и в своем художественном очерке о Бесленей Абате – одном из представителей Шапсугского племени¹². Вообще Бесленей Абат – личность историческая. Хан-Гирей, описывая его, явно симпатизирует ему, выделяя, прежде всего, мужественного горца, и ничего не говорит о нем как о владельце крепостных. В своем очерке Хан-Гирей рисует картину жизни черкесского общества, разгорающуюся в нем классовую борьбу. Несмотря на свое социальное положение, Хан-Гирей отмечает как положительное явление то, что шапсуги окончательно освободились от крепостной зависимости. В этом сказывается демократичность его взглядов. Хотя автору не всегда удается скрыть свои классовые позиции, Хан-Гирей остается объективным в передаче исторических событий и основных моментов из деяний знаменитых представителей черкесского народа, описанных им в серии очерков.

В период пребывания Хан-Гирея на Кавказе был написан очерк «Князь Пшьской Аходягоко». Очерк замечателен тем, что в нем использованы предания народа, его поверья. Автор особо подчеркивает значение традиций, народного творчества в художественном мышлении народа, в его воспитании.



Большинство художественных произведений Хан-Гирея основано на подлинных событиях, имевших место в жизни бжедугов. Хан-Гирей написал рассказ о знаменитом джигите Кунчуке. Этот рассказ отличается от других его произведений и своей проблематикой, и художественной формой. В основе рассказа лежит народное сказание¹³.

Султан Хан-Гирей вошел в историю черкесского народа не только как писатель, но и как выдающийся историк, этнограф, собиратель устного народного творчества¹⁴. В своих трудах «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» и «Мифология черкесского народа» он исследовал вопросы общественного и бытового устройства, при этом отмечал, что препятствием в экономическом благосостоянии видит отсутствие государственности. Также препятствием является то, что «...земледелец под защитой ружья обрабатывает свою землю», а труженика земли поджидает «непрестанная опасность, сопровождающая его в течение всей жизни»¹⁵.

Султан Хан-Гирей отмечал, что в условиях войны не могла нормально развиваться торговля, которая способствовала бы улучшению жизни и выводу черкесов на новый уровень взаимоотношения с соседями. «Торговля, – пишет Хан-Гирей, – один из величайших источников богатства народного, конечно, не может быть обширна и значительна там, где нет спокойствия и тишины, где все подвержено буре войны и где насилии знатного воина лишает слабейших собственности, и в Черкесии не может быть обширной торговли в настоящем положении там и дел и образа жизни»¹⁶. По мнению Хан-Гирея, необходимы меры правительственной финансовой поддержки развития торговли и ремесленного производства, а также строительства экономико-административного центра, который укрепит связь северокавказских народов с Россией, что будет способствовать освоению гражданственности.

Особенно много внимания уделил Хан-Гирей изучению своеобразия адыгской культуры, музыки, хореографии, песен, сказаний. Он впервые дал полную классификацию песенного творчества адыгского народа и научно исследовал его характер и отличительные особенности. Велики его заслуги перед литературой адыгов; он по праву является одним из ведущих представителей черкесской культуры, ярким представителем романтизма первой половины XIX в.

Умер он в конце 1842 года. О причинах его смерти известно единственное предположение В. П. Бурнашева. «Однажды, – пишет он, – утолив жажду прохладительным и здоровым кумысом, Гирей почувствовал потребность предаться сну, он действительно заснул с улыбкой на устах, но с тем, чтобы уже не проснуться: мюридисты умертвили его отравленным кумысом»¹⁷. По свидетельству С. Давлет-Гирея, С. Хан-Гирей похоронен в родовом имении Султанский курган в десяти верстах от Екатеринодара.

За семь лет научной деятельности Хан-Гирей

написал 8 содержательных работ, которые не потеряли научной ценности по сей день. Описывая общественный строй, материальную и духовную культуру, современный ему быт адыгов, их хозяйство, Хан-Гирей всегда обращался к историческому прошлому, указывал на произошедшие изменения, которые происходили в жизни адыгов под влиянием социальных, экономических и политических обстоятельств региона. Произведения Хан-Гирея до сих пор остаются первоисточником для исследователей истории и этнографии адыгов, черкесов и кабардинцев.

Примечания

- 1 См.: *Вершигора А. Д.* Имена Хан-Гирея, Адиль-Гирея и их отца Войскового старшины Ханука // *Культура и быт адыгов*. Майкоп, 2001. Вып. IX. С. 63–80.
- 2 См.: *Туганов Р. У.* Хан-Гирей. Новые материалы и некоторые концепции // *Из истории феодальной Кабарды и Балкарии*. Нальчик, 1989. С. 214, 215.
- 3 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках : в 3 ч. Ч. 2. Надписи XVIII–XX веков. М., 1968. С. 176 ; *Косвен М. О.* Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 184.
- 4 См.: *Бурнашев В. П.* Из воспоминаний петербургского сторожила // *Заря*. 1871. № 4. С. 37.
- 5 Архив Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (далее – ГКЧ И-К и П М-3). Ф. 10. Д. 343. Л. 2.
- 6 См.: *Кумуков Т. Х.* Хан-Гирей. Нальчик, 1968. С. 45.
- 7 ГКЧ И-К и П М-3. Ф. 10. Д. 343. Л. 4.
- 8 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 7. Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 62 ; *Дьяков В. А.* Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем // *История СССР*. 1958. № 5. С. 174.
- 9 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ). Ф. 6. Ед. хр. 74. Л. 1–53 ; Ед. хр. 75. Л. 1–31.
- 10 См.: Черкесские предания // *Русский вестник*. 1841. № 2 ; Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // *Русский вестник*. 1842. № 1 ; Князь Канбулат // *Русский вестник*. 1844. № 10–11 ; Бельский Аббат // *Кавказ*. 1847. № 42–48 ; Князь Пшьской Аходягоко // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. 1893. № 17.
- 11 «Черкесские предания» впервые увидели свет в 1861 г. Подготовка рукописи к печати и комментарии к ней с биографическим очерком об авторе принадлежит кавказоведу Ад. Берже. В 1866 г. «Черкесские предания» были опубликованы на немецком языке в Лейпциге.
- 12 См.: *Хан-Гирей*. Бельский Аббат // *Кавказ*. 1837. № 42–47.
- 13 См.: *Хан-Гирей*. Наезд Кунчука // *Кавказ*. 1846. № 37–38.
- 14 *Косвен М. О.* Указ. соч. С. 184–209.
- 15 *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 170.
- 16 *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 247.
- 17 *Бурнашев В. П.* Указ. соч. С. 37.